

Сергей Рядченко

В паутине прореха, смена эпох

Рассказ специального назначения

Воспользовавшись намеренно хоть и кратким, но убедительным отсутствием связи с мировой паутиной, перечитал, друзья, не спеша, со вкусом, «Илиаду» и «Одиссею» Гомера, «Трех мушкетеров» и «Учителя фехтования» Александра Дюма-отца, коротенькую пьесу Сервантеса «Два болтуна», «Моби Дика» Германа Мелвилла, «Фауста» Гете; «Жизнь драмы» Эрика Бентли и всего нашего Григория Сковороду; «Похождения бравого солдата Швейка» Ярослава Гашека; Воннегута «Завтрак для чемпионов», «Колыбель для кошки», і в українському перекладі «Бойню номер п'ять» с эпохальным «Бува й таке», – две книги точно знаю, которые по-украински звучат звучнее, чем на родном английском, – это, как сказано, «Бойня» с «Бува й таке», и «Вінні-Пух», где «Паць кувікнув від хвилювання»...

В который раз прочитал внимательно «Реквием по каравану PQ-17» Пикуля, кто бы что бы о нем ни думал, ни говорил; отчет о последней кавалерийской атаке под Омдурманом Уинстона Черчилля, в которой он, улан двадцатитрехлетний, принимал непосредственное участие; «На Западном фронте без перемен» Ремарка и «Три товарища»; «Вино из одуванчиков» и «Марсианские хроники» Рэя Брэдбери, а также его рассказ «Попугай, который знал Папу»; энциклопедию *постмодернизма*, сперва подряд, а потом на выбор; потом «Энергию заблуждения», «Гамбургский счет» и еще что-то Виктора Шкловского; «Былое и думы» (4-й, 5-й, 6-й и 7-й тома зеленого собрания сочинений) Александра Герцена; «Шум и ярость», «Медведь», «Возмутитель праха», «Авессалом, Авессалом!» и обожаемый избранный том рас-

сказов, а в нем, с пристрастием, разумеется, «Красные листья» и «Поворот кругом» Уильяма Фолкнера и все, что у него еще про Йокнапатофу; «Кобзаря» Тараса Шевченко и бесподобную на английском толстенную биографию «Ernest Hemingway: A Life Story» by Carlos Baker; «Детство, отрочество, юность», «Хаджи-Мурат», «Севастопольские рассказы» и пьесу «И свет во тьме светит», и даже «Войну и мир» Льва Николаевича Толстого; и Толстого же, но Алексея Николаевича, «Аэлику», «Ибикус» и «Гиперболоид...»; всего Гайдара (Аркадия); «Ходжу Насреддина» и «Старика Хоттабыча»; и «Обещание силы» Томаса, под которым сокрыт Кастанеда, и без того таинственный; «Графа Безбрежного», книжицу презанятную про Федора Толстого-Американца; «Все о Незнайке и его друзьях» Николая Носова; Марка Твена «Приключения Тома Сойера», «Приключения Гекльберри Финна», «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» и «Принц и нищий»; «Алый знак доблести» Стивена Крейна и все рассказы Амброза Бирса; Анатолия Рыбакова «Дети Арбата» и «Факультет ненужных вещей» Домбровского; «Мифы и легенды Древней Греции» и «Мифы и легенды Древнего Рима»; «Махабхарату», «Рамаяну» и отдельно еще раз, и с комментариями, «Бхагавад-гиту» из «Махабхараты» про знаменитую беседу Кришны с Арджунной на колеснице перед битвой на Курукшетре; и, конечно, Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» и «Сентиментальное путешествие»; Даниэля Дефо «Молль Фландерс» и «Гулливера» декана Свифта; филдингскую «Историю Тома Джонса, найденыша» и «Приключения Перегрин Пикля» Тобайаса Смоллета; и «Гаргантюа и Пантагрюэль» пера Франсуа Рабле, для общего счета; «Отверженных» и «Собор...» Гюго; «Воспитание чувств» Флопера; Эдварда Бульвер-Литтона «Кенелм Чиллингви, его приключения и взгляды на жизнь», «Пелэм, или приключения джентльмена» и «Последние дни Помпей»; Котляревського «Енеїду» та збірку віршів Павла Тичини, де мої улюблені рядки:

Та нехай собі як знають
божеволіють, конають, –
нам своє робить...

всю прозу Пушкина и всю прозу Лермонтова – к их прочтению каждый год еще с юности пристрастился, и никаких сбоев в доступе к мировой паутине для этого, собственно, и не нужно, а тут вот повторно возможность выпала, так чего ж не перечитать? – перечитал и не пожалел, восторг с каждым разом не убывает, а прибывает, вы ж сами знаете. Перечитал Тургенева «Записки охотника», полную версию, – в ней, разумеется, два шедевра про Чертопханова – «Чертопханов и Недопюскин» и «Конец Чертопханова», с этой его гремящей в финале фразой: «Столбовой дворянин Пантелей Чертопханов умирает; кто может ему препятствовать? Он никому не должен, ничего не требует... Оставьте его, люди! Идите!» – во как.

Сполна наслаждался, пофразово, пословесно, тыняновскими «Вазир-Мухтаром», «Кюхлей» и «Пушкиным» – неизменно тоска сердце жмет оттого, что дописать «Пушкина» не судилось, – и его же, Тынянова, повестушками «Малолетный Витушишников» и «Поручик Кижэ». «Хромого беса» перечитал Луиса Велеса де Гевары и «Хромого беса» Алена-Рене Лесажа, и его «Похождение Жиль Бласа из Сантьяны».

«Симплициссимус» Ганса Якоба Кристофа Гриммельсгаузена, то бишь «Вновь наилучшим образом упорядоченный и повсюду многожды исправленный затейливый Симплициус Симплициссимус»; коль не читали, рекомендую.

Подвернулся под руку и безжалостно перечтен был «Улисс» Джойса, и что? Опять ничего. В третий раз подтвердил себе свое мнение. Непопулярное. Вообще о Джойсе и, в частности, об «Улиссе». Скажу по секрету вам, только ж не сдайте, ни ирландцам, и никому. А то ж полетят в меня камни со всех сторон. А мнение таково, что роман «Улисс» – это казус, именно казус в мировом литературном процессе. Между замыслов громадьем и воплощением их (если замыслов) и его (ежели громадьа) – пролегла неудача автора, творческий, мягко скажем, облом; и волею судьбы, стечением обстоятельств, этот облом назначен в шедевры и на весь мир прославлен. Эка, ну в добрый час!

С полок сняты и бегло пролистаны «Отсюда и в вечность» Джеймса Джонса, «Нагие и мертвые» Нормана Мейлера и «Молодые львы» Ирвинга Шоу, «Смерть героя» Ричарда Олдингтона и пара-тройка романов Ивлины Во: «Возвращение в Брайдсхед»,

«Мерзкая плоть», «Пригоршня праха», «Люди при оружии», «Офицеры и джентльмены» и «Безоговорочная капитуляция». Перейдя на иноходь, перечитал подряд три романа незабвенного Грэхема Грина: «Комедианты», «Тихий американец» и «Наш человек в Гаване»; и Сомерсета Моэма разное: «Луна и грош», «Дождь», «Подводя итоги». Потом «Фиесту» Хемингуэя, ту, в которой *восходит солнце*, и его рассказ «Что-то кончилось» – захотелось к юности прикоснуться; трехтомник сказок от Афанасьева и собрание братьев Grimm, и все тома «Тысячи и одной ночи» с Шахерезадой и Шахрияром; «Морфологию сказки» и «Проблемы комизма и смеха» Владимира Проппа; Бахтина о природе смешного, о мениппее; и сюда ж ко двору пришла бездонная работа Татьяны Щепанской о культуре дороги в мифоритуальной традиции.

С удовольствием, не спеша, перечитал Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». До чего ж пронзительное произведение, до чего ж замечательные стихи! На этой волне заодно осилил и их с Панаевой «Три страны света»; ну это так, для порядку, как говорится, чтоб было, тарелочки подкрутил. Зато «Джан», «Такыр», «Чевенгур» Андрея Платонова перечитал на одном дыхании.

После с трепетом погрузился в хорошо знакомый мне мир одной из любимых книг другого Некрасова, Виктора Платоновича, «В окопах Сталинграда». И как всегда, после этой книги молчать долго хочется; просто слов нет. После «Окопов» только и можно, что Василя Быкова «Дожить до рассвета», да еще «Пядь земли» Бакланова, где «Жизнь на плацдарме начинается ночью». Григорий Яковлевич Бакланов как-то раз нам с Валерой Дашевским рассказывал, что долго после войны не мог приступить к написанию, пока наконец не придумалась первая фраза: «Жизнь на плацдарме начинается ночью».

Непостижимая тайна творчества.

Дабы отдышаться после «Окопов», «Дожить...» и «Пяди...», взял передышку и прочитал все пьесы Шекспира, «Гамлета» дважды, и вослед – исследование Ильи Гилилова «Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса», откуда выходит, хочешь не хочешь, что нас провели всех как простаков; и поневоле запомнишь новое имя – Роджер Меннерс пятый граф Ратленд, соученик в Падуанском университете Розенкранца и Гильденстерна.

После Шекспира-Ратленда случились братья Стругацкие, Аркадий с Борисом, с «Трудно быть богом», с «Улиткой на склоне», «Жуком в муравейнике», «Пикником на обочине» и с «Понедельником, начинающимся в субботу». Воодушевленный Стругацкими, перечитал всего, что сыскалось на полках, Роберта Шекли, кумира далеких наших годов студенчества. Потом все про Хогбенов Генри Каттнера; обожаю про них читать. Клиффорда Саймака «Все живое». И любимое из Азимова – «Даже боги»; если вместе сложить названия трех частей, то получится: «Против глупости даже боги сражаются тщетно». Оно-то так. Но сражаться ж надо? Надо. Будем сражаться.

Прочел стремительно «Тигр снегов» о восхождении на Эверест Тенцинга Норгя с Эдмундом Хиллари; про путешествия на «Кон-Тики» и на «Ра» Тура Хейердала; ошеломительную хронику выживания в океане «В дрейфе» Стивена Каллахена; и несравненную историю Славы Курилова «Один в океане» про его побег с борта лайнера «Советский Союз» – в маске с трубкой и в ластах он трое суток плыл в бушующем океане и чудом выплыл на берег острова Сиаргао на Филиппинах – поступок, достойный звучать в веках.

Чтобы жизнь не казалась медом, взял Достоевского «Бесы»; ну что сказать, бесы они и есть бесы, ату их! Закусил их «Селом Степанчиковым и его обитателями»; полегчало. Рванул отсель к Гоголю, к «Мертвым душам»; ну что сказать, шедевр он и есть шедевр. Продолжил «Вечерами на хуторе близ Диканьки», «Миргородом» и «Петербургскими повестями»; завершил «Ревизором», опять смеялся. Прочел «Бригадира» с «Недорослем» Фонвизина. Набокова «Машеньку» и «Защиту Лужина», «Истребление тиранов» и «Соглядатая», «Приглашение на казнь», «Дар», «Лолиту», «Комментарий к роману «Евгений Онегин», «Solus Rex» и «Ultima Thule». Эх, Набоков, Набоков, на Нобелевскую премию шесть раз выдвигался, но не случилось – из-за Лолиты. Против глупости даже боги...

С наслаждением проглотил Ромена Ролана «Кола Брюньон». До чего ж круто сваренный пирожок!

Собравшись с духом, взялся за «Книгу тайн. Вигьяна Бхайрава Тантра», за все пять томов бесед-комментариев Бхагвана Шри Раджниша, который Ошо, к медитативным техникам Шивы, чис-

лом сто двенадцать, которые Шива любезным образом излагает супруге Девы в процессе их длительного соития. Размышляя по-долгу над каждым способом медитации, один за другим, восторгался многообразием и отвлекался, и в отвлечениях составлял невольно мысленный список того, что хотелось еще прочесть. Оказались там у меня Анатолий Франс, давно не читал, соскучился; Шарль де Костер с его «Уленшпигелем»; «Тихий Дон» с «Поднятой целиной», кто бы их в самом деле ни написал; Джон Стейнбек с Теодором Драйзером, О'Генри, Фенимор Купер и Эдгар По; и Скотта Фитцджеральда «Ночь нежна», и «The Agony and the Ecstasy» by Irving Stone про Микеланджело, лучшее, что читать доводилось про высокую жизнь творца. Еще у меня в моих отвлечениях от медитаций по Шиве наметилось перечесть «Золотого осла» Апулея; Светония «Жизнь двенадцати цезарей»; оба издания – «Плоть и кость дзэн» и «Кости и плоть дзэн»; за ними «Чжуан-цзы» с «Лецзы»; Еврипида, Эсхила, Аристофана; все пьесы Бернарда Шоу; что-нибудь из абсурда, например, «В ожидании Годо» Беккета; всего Овидия; Данте «Божественную комедию»; «Квантовую психологию» Роберта Уилсона; «Думу про козака Голоту»; мемуары батеньки Махно; хорошо бы и Кастанеду, все тома про дона Хуана Матуса, старого индейца из племени яки, отдавая отчет себе ясно в том, что жывал ли и в самом деле на Земле такой дон Хуан, или же Карлос его сочинил нам, никакого значения не имеет. Как же так? – вы спросите. Да вот так. Еще хорошо бы Алана Уотса, Тимоти Лири, Вильгельма Райха, Карла Густава Юнга, Зигмунда Фрейда – их бы работы перечитать. И непременно Виктора Франкла, его «Человека в поисках смысла». И «Le Phénomène humain» де Шардена, Пьера Тейяра; и Дэвида Хокинса «Путь принятия».

Хорошо бы еще бы много чего бы, да всех одним махом и не припомнишь. По мере, стало быть, поступления.

Сквозь отвлечения и спотыки добрался я все же до сто двенадцатой медитативной техники Шивы и подналег на нее уж, как понимал. Не преминул, ничтоже сумняшеся, и советом Ошо воспользоваться. Совет простой. Если вам ни одна из техник, как ни бились, не подошла, то позабудьте вы про духовность и живите дальше себе на радость. Вот такой еще метод нам, сто тринадцатый. Кстати, трудноосуществим не менее прочих. Осилим как-нибудь.

Когда ставил на полку последний том, из него выпал сложенный лист, исписанный моим почерком. Уж и не помню, когда писал, и мое это или чье-то. Там простым карандашом размашисто было написано вот что:

«Пожалте бриться (рассказ). Слушайте, это было в начале, в самом начале восьмидесятых; мы с объектов после работы по горам вниз топали, спускались к дороге. Могли сутки топать, могли и двое. А на дороге нас поджидали бэтээры шестидесятые, бээмдэшки и бээмпэшки. Разместившись, в них возвращались к себе на базу. Там сутки ехать. Бывало короче, бывало дольше. Я в эрдэхе с собой таскал, как талисман, опасную бритву Золинген, от отца, трофейную, с той войны, с перламутровой ручкой, с поющим лезвием. В бэтээрах, знаем, качает. А еще в них бывает скучно. Развлекались просто. Бросали на пальцах; на кого выпадет, получал от меня мой Золинген и пытался побриться им. Пустил кровь себе – значит, продул. Передавай опаску соседу. И так по кругу. Смешно до чертиков. Все в крови; улыбаются; всем неловко от своей неловкости. Уморительно. Победителю, если был бы, на базе вручили бы флягу спирта или, на выбор, солидный баш местной травки. Теперь гадайте, кто б выбрал. Не угадаете, потому что, увы, никому из нас так ни разу и не случилось побриться насухо. Ай да сталь! Меня контузило, и мой Золинген со мной вернулся домой в свой час. И чем друзья мои без него развлекались потом по пути на базу, ломаю голову до сих пор. Наверняка могу лишь одно сказать, вы так и знайте, – нам было мало».

Ну вот, такое еще прочел.

Тут и вай-фай заработал. Однако ж засесть за компьютер, вернуться в сеть, плотно заново уловиться в ее паутину не получилось. Громыкнуло где-то и раз, и два-три; от взрывной волны задрожали стекла в окнах. Оказалось, что наступило двадцать четвертое февраля. Утро взвыло воздушной тревогой. Свет мигнул. Телефон звонит. Друг, с которым пятнадцатого отметили годовщину вывода войск, сказал в трубку категорично:

– Оженись на вольній волі!!!

От него украинского не слыхал, полагаю, что со времен школьного нашего с ним обучения во втором интернате на Ботанической. Из чего оставалось предположить, что дело серьезное. Все же переспросил:

– На козацькій долі?

– В точку, старик. Давай выдвигайся в темпе сюда ко мне в батальон. У меня тут тероборона.

– Так захвачу с собой Генку с Серегой.

– Уже прямують сюди. Тебе позвонил последнему, поскольку ты у нас быстр на сборы.

– Рады стараться! Оружие выдашь?

– А ты как думал?

– Я так и думал.

Отложив все замыслы на потом, исполнил в точности что мне велено. И другом, и сердцем, и всей душой. Не отмечать больше с другом нам прежних праздников. Отобьемся, – а мы умеем, а теперь еще и хотим, – со всем нашим козацьким драйвом расколошматим этих уродов, и *Перемогу* отметим, как полагається. Завоюем себе новый праздник на долгие времена. Тогда и любимые книги перечитаем. И, может статься, прочтем и напишем новые.

Возврата к старому больше нет; пропал в одночасье что звук пустой.

Мы обязательно победим.

¡Venceremos!

¡No pasaran!

І все буде Україна, шановні друзі!

Одесса, 10 апреля 2022

